

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ ВСЕЛЕНСКОГО МАСШТАБА

К 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого

Брат Л. Н. Толстого Николай любил фантазировать, сочинять мифы, легенды. Вот одна из них. Существует зеленая палочка, на которой записано, как сделать всех людей счастливыми, чтобы они не знали болезней, войн, бед и жили, как братья. Зеленая палочка зарыта на краю оврага старого яснополянского леса. Николай с младшими братьями часто играл в этом месте, отыскивая зеленую палочку. Это воспоминание раннего детства запомнилось Л. Н. Толстому на всю жизнь и повлияло на его мировоззрение, образ жизни и деятельности. Писатель просил захоронить его там, где зарыта зеленая палочка. Рядом со своей могилой велел закопать и останки любимой лошади Демир, когда ее не станет.

Незадолго до смерти Л. Н. Толстой вспоминал: когда ему было 15 лет, перед ним как будто открылась какая-то завеса, он почувствовал что-то необычное в своей жизни. Весь мир представился ему в каком-то особенном, чудном свете. А в его «Детстве» читаем: «...Хочется одного — чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда и всем было хорошо и радостно. Это то и есть, и это одно и есть та любовь, в которой жизнь человека»¹.

«Человек должен быть счастливым», — нередко повторял Толстой, подчеркивая

тем самым истинное, природное стремление каждого человека к счастью. Что же такое счастье в его понимании? Корреспондент «Петербургской газеты», побывав в 1896 г. у Толстого, задал ему этот вопрос. Писатель подробно объяснил собеседнику свой взгляд на этот предмет, а потом подытожил: счастье — это ненарушение связи нашей с природой, труд физический, любимый и свободный, семья, здоровье и свободное любовное общение со всеми разнообразными людьми мира, сопричастность ко всему, что составляет основу праведной человеческой жизни.

Проверив на себе, на своем собственном, часто горьком, полном труда и нравственных терзаний опыте, Толстой пришел к выводу, что счастье и благополучие человека не зависят от обстоятельств, тем более случайностей, а в решающей степени только от него самого. В 1902 г. корреспондент газеты «Одесские новости» Скриба записал беседу с Л. Н. Толстым.

«...Л. Н., скучненько как-то. Ждешь, ждешь этого давно обещанного обновления жизни, простора какого-нибудь для себя, своей работы, для других. Вместо этого жизнь еле плетется по тине и кочкам, грязная, усталая, жестокая...

Реакция Л. Н. Толстого: ... Оттуда, откуда вы ждете обновления и простора, вы никогда его не дождетесь. Все ваши надежды вы возлагаете или на какую-нибудь случайность, или на всемирную войну — что совсем безобразно, — или на что-

нибудь вообще, что вне нас. Это вот большая ошибка, не отказавшись от которой вы никогда не поймете ни смысла, ни красоты жизни.

Начинайте с себя, нет в жизни никого и ничего сильнее человека, когда он захочет быть свободным и сильным. Ему надо только понять, что никого и ничего нет сильнее его. И раз он это понял, ничто и никто ему ни в чем ни помеха, ни указ... Быть собой, по-своему верить и думать — разве это так трудно, разве это невозможно при каких бы то ни было обстоятельствах и условиях?»²

Эту мысль об активной роли человека в его собственной судьбе не раз в различных аспектах высказывал писатель многим корреспондентам, собеседникам. В 1895 г. в письме К. Ю. Эйнарвич Толстой пишет: «Я не разделяю очень пространного мнения о том, что окружающая среда может иметь вредное или благотворное влияние на душу. Я думаю, что мы сами составляем свою окружающую нас атмосферу-среду и что нет такого места, где бы хороший человек не нашел хороших людей, и такого — где бы дурной человек не нашел бы общества дурных. ...Если у человека есть ясное понимание того, зачем он живет на свете, то никакая среда, никакие занятия не могут повредить человеку. Для уяснения же себе смысла жизни надо читать все то, что было написано об этом предмете людьми, искавшими и определявшими этот смысл жизни»³.

Главная проблема, над которой всю жизнь бился Толстой, от разрешения которой зависит благополучие, счастье как отдельного человека, так общества и всего человечества, — это проблема нравственного самосовершенствования. В ней он видел способ разрешения всех социальных противоречий, путь раскрепощения человеческой личности, способ создания атмосферы духовности, взаимопонимания и согласия.

В ответ на письмо своего корреспондента Н. Баранова, который писал, что

борьба в природе и среди людей является непреодолимым законом природы, Толстой так сформулировал свою мысль: «Закон для человека состоит не во вражде, а в совершенствовании и отдельного человека, и человечества. И как всякое человеческое существо в первые времена жизни (ребячество, детство) подчиняется закону эгоистической борьбы, с возрастом все более и более подчиняется закону разума и любви, так и все человечество»⁴.

В статье «Неделанье» Толстой писал: «Современному человеку достаточно остановиться на мгновение в своей деятельности, призадуматься и сопоставить требования разума и сердца с условиями жизни как таковой, чтобы он заметил, что вся его жизнь и все его поступки находятся в непрестанном и вопиющем противоречии с его совестью, разумом и сердцем»⁵.

Эти вопросы волновали Толстого всю жизнь, следы его глубоких раздумий о смысле жизни найдем мы и в его юношеских дневниках, и в записях последних дней. Очень часто, решая вопросы человеческого бытия, высокого предназначения человека на этой грешной земле, писатель-педагог обращает свой взор к детям, к школе.

Л. Н. Толстой приходил в отчаяние от происходящего в России и мире. Он видел свой народ угнетенным, живущим нерадостной жизнью, пребывающим в духовном и экономическом рабстве. Накануне XIX в. его ужасали нищета, угнетение простых людей, суды, войны, казни, проституция, пьянство. Его буквально преследовал вопрос: «Что же делать?»⁶ Ответ на этот жгучий вопрос он искал в себе и окружающих, в науке, религии, искусстве, культуре. Ему хотелось обнаружить причины и найти путь выхода из трагико-драматического состояния жизни как из заколдованного круга. И вот результат его страстного болезненного поиска: «Все яснее вижу, что ключ ко всему — воспитание. Там развязка всему. Это самый длинный, но верный путь»⁷. Но воспитание —

это первая ступень совершенствования, преображения человека. А дальше — улучшать свою душу, воспитывать в себе стремление к величайшему идеалу, воплощенному во Христе, формировать духовного человека — творца, то есть саморазвитие. Смысл жизни, по Толстому, только один: это самосовершенствование — улучшать свою душу.

Л. Н. Толстой испытывал личную потребность — работать в школе непосредственно с детьми. Первый шаг в этом направлении — кратковременный педагогический опыт в 1849 г. В целом же в его педагогической деятельности можно выделить три периода: первый — это 1859–1862 гг., когда Л. Н. Толстой сам учил детей и издавал педагогический журнал «Ясная Поляна»; второй определяется сроком с 1870 по 1876 г., когда были составлены «Азбука», «Книга для чтения», велись занятия с детьми, осуществлялась методическая работа среди учителей и общественная деятельность по народному образованию; третий начался с 1880 г. и продлился до кончины писателя, когда Л. Н. Толстой давал уроки детям, занимался изданием педагогических статей, подводил итоги своей педагогической деятельности.

Что побуждало уже известного писателя идти в школу? Было несколько мотивов. Л. Н. Толстой жил среди крестьянских детей и видел, в каких ужасных социально-экономических, бытовых, духовно-нравственных и интеллектуальных условиях они находятся. Общаясь с ними, он не мог не заметить, что среди них есть смысленные, одаренные. Но без школы их потенциальные творческие возможности не проявляются. Тяжелые условия губят одаренных крестьянских детей.

Вкусив педагогический опыт, он напишет тетушке исповедальное письмо: «Я теперь весь из отвлеченной педагогики перескочил в практическое — и в самое отвлеченное — с другой стороны — дело школ в нашем уезде. И полюбил опять, как 14 лет тому назад, этих тысячи ребя-

тишек, с которыми я имею дело... Я не рассуждаю, но когда вхожу в школу и вижу эту толпу оборванных, грязных, худых детей с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас, вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей. Ах, батюшки! Как бы вытащить, и кого прежде, кого после вытащить! И тонет тут самое дорогое, именно то духовное, которое так очевидно бросается в глаза в детях. Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех, тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе»⁸. Гражданская боль позвала Л. Н. Толстого на сознательный педагогический подвиг — подвиг повышения образованности народа, сохранения и пестования народных талантов.

Еще одно: Л. Н. Толстой переживал кризис в писательском творчестве. Работа в школе с детьми представлялась ему единственно разумным выходом. И он не ошибся. Поработав немало с детьми, Лев Николаевич с чувством глубочайшего удовлетворения делился радостью по поводу вновь переживаемого им писательского вдохновения: «...Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столь свободными и столько способными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х гг., который занимает меня вполне с осени... Детей и педагогику я люблю, ученики ходят ко мне по вечерам и приносят с собой для меня воспоминания о том учителе, который был во мне.... Теперь я писатель всеми силами своей души, и пишу, и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал»⁹.

Л. Н. Толстой был справедливо убежден: без полноценной школы, без поголовного качественного образования и воспитания Россия не преодолеет социально-экономическую отсталость. Представлялись два пути: взять европейскую школу и пересадить ее на русскую почву или создать свою национальную русскую

школу. Л. Н. Толстой избирает последний путь. Л. Н. Толстой снова и снова возвращается к этой мысли: «Начиная учить детей в русской деревне, я не мог, не бывши набитым дураком, принять в основание ни немецко-протестантскую лютеранскую систему, ни классическую, ни иезуитскую, ни новейшую теоретическую систему воспитания. Еще менее мог я серьезно принять за систему славянский курс букваря, часовника и псалтыря и связанные с этим курсом семинарские приемы. Нерусские приемы теории были чужды, невозможны для русских учеников, несостоятельность их, на мой взгляд, была доказана для самих себя самими иностранцами, русская же система, на мой взгляд, также невозможна для меня, как бы обучение детей игре на инструменте, которого уже не существует. На мне не лежало ни исторических школьных уз из Европы, ни религиозных и философских авторитетов своего отечества. Без всякого искания новых путей, без противодействия или подчинения известным направлениям, без всякой зависимости от общества и правительства я бессознательно и свободно должен был идти и пошел своим особенным путем, руководствуясь одним изучением потребностей тех учеников, с которыми я имел дело»¹⁰.

Л. Н. Толстой считал безумием переносить на русскую почву западноевропейскую систему. Перенесение он сравнивал с молотилкой, которая куплена дорого, поставлена, запущена, молотит дурно, как ни подвинчивай доску — нечисто молотит, и зерно идет в солому. Хоть и убыток, но деньги потрачены. Л. Н. Толстой пишет: «...Всякое подражание европейской школе... будет шаг не вперед, но назад для нашего народа, будет изменой своему призванию»¹¹. Писатель-педагог вопрошал: какое мы имеем историческое право говорить, что наши школы должны быть такими же, как и европейские школы? Л. Н. Толстой считал необходимым сохранить самобытное самостоятельное мышление народа, отказаться от подра-

жания: не навеки же обречены русские люди подражать Европе, должно же наступить и для русского народа совершенное, когда он может думать своим умом и поступать сообразно со своими условиями и свойствами.

Сравнив отечественную и зарубежную школу, Л. Н. Толстой пришел к выводам: 1. Нельзя переносить чей бы то ни было опыт на русскую почву. 2. Надо знать другие системы и кое в чем опираться на них. 3. Главное: создавать свою систему, сообразную с историей и особенностями страны, временем и средой. «...Для того, чтобы русская система народного образования не была хуже других систем (а она по всем условиям времени должна быть лучше), она должна быть своя и непохожая ни на какую другую систему»¹².

Став на писательскую стезю, Л. Н. Толстой осознал: надо стать душезнатцем. Природа, общество, отдельные люди, взрослые и дети, культура России и планетарная культура — вот его исследовательская лаборатория. Он находил: нельзя обучать и образовывать, если досконально не знаешь ребенка. Важнейшие способы его познания: личные воспоминания о своем детстве и создание на их основе автобиографических повестей «Детство», «Отрочество» и «Юность»; выявление особенностей собственных детей и написание очерка «Мои дети»; работа за учительским столом; пристальнейшие наблюдения за учениками в классе и во время досуга; совместные прогулки, поездка на кумыс; творческое общение с учениками, выразившееся, например, в просьбе написать письма ему, учителю, написать сочинение на сюжет из народной жизни; изучение творчества мудрецов всех народов, особенно учителей человечества.

Наблюдения и интуитивное прозрение подсказывали Л. Н. Толстому: именно в детях таятся огромные нетронутые силы, захватывающие непознанные творческие глубины, бездонные духовные богатства. Дети более талантливы, чем взрослые. Они титаны поиска, самобытной деятель-

ности на грани возможного, неисчерпаемый клад интеллектуальных сил, они способны решать самые сложные, невероятные, даже фантастические задачи и проблемы. Им больше, чем взрослым, доступны творческие дерзания, порывы в неведомое, неожиданные решения. Этот процесс идет плодотворнее, если учитель и ученик соревнуются. Ученики педагога-искателя, действительно, его сотрудники, соратники, сотворцы в творческом постижении мира. Дети работают в «лаборатории» учителя как у себя дома, учитель трудится в ученической «лаборатории» как в своей собственной. С самого начала это труд «партнеров». Вершина партнерства — подъем по «лестнице» на более высокую ступень человеческого развития: развития духовного, нравственного, художественно-эстетического, интеллектуального.

Л. Н. Толстой рассказывает: «Один раз, прошлой зимой, я зачитался после обеда книгой Снегирева и с книгой же пришел в школу. Был класс русского языка.

— Ну-ка, напишите кто на пословицу, — сказал я. — Лучшие ученики — Федька, Семка и другие — наострили уши.

— Как на пословицу? Что такое? Скажите нам! — посыпались вопросы.

Открылась пословица: «Ложкой кормит, стеблем глаз колет».

— Вот вообрази себе, сказал я: что мужик взял к себе какого-нибудь нищего, а потом за свое добро его попрекать стал, — и выйдет к тому, что «ложкой кормит, стеблем глаз колет».

— Да ее как напишешь? — сказал Федька, и все другие, наострившие было уши, вдруг отшатнулись, убедившись, что это дело не по их силам, и принялись за свои прежде начатые работы.

— Ты сам напиши, — сказал мне кто-то. Все были заняты делом; я взял перо и чернильницу и стал писать.

— Ну, — сказал я, — кто лучше напишет, и я с вами.

Я начал повесть, напечатанную в 4-й книжке «Ясной Поляны», и написал пер-

вую страницу. Всякий непредубежденный человек, имеющий чувство художественности и народности, прочтя эту первую, писанную мною, и следующие страницы повести, писанные учениками, отличит эту страницу от других, как муху в молоке...» В словесном творчестве «крестьянский полуграмотный мальчик вдруг проявляет такую сознательную силу художника, какой, на всей своей необъятной высоте развития, не всегда может достичь Гете»¹³. В другой статье Л. Н. Толстой на конкретном примере показывает, что именно ребенок — непревзойденный создатель художественного слова. Учитель рассказывал о войне России с Наполеоном: «Как он вышел из Москвы, тут Кутузов погнался и пошел бить, — сказал я. — “Окарячил его!” — поправил меня Федька...»¹⁴ У Л. Н. Толстого — «гладкопись», «обесцвеченный язык», у крестьянского мальчика — язык «вещественный», точный, мыслемккий.

У Л. Н. Толстого подлинно гуманный и оптимистический взгляд на подрастающего человека, вера в его талант. Светлее, чище, полнее и глубже процесс творческого, духовного, человеческого становления происходит именно в детстве. А это значит, что учиться всему, без чего невозможно разумная жизнь на земле, можно, обращаясь к детству. Но что предшествует и сопровождает сотворчество педагога и ученика? Прежде всего любовь к детям. Общаясь с детьми, обучая их в школе, Л. Н. Толстой пришел к выводу, что «самый радостный труд — это труд для наиболее любимых существ, а самый лучший, тоже наиболее любимый возраст — это детство»¹⁵. Этот вывод казался великому педагогу столь значительным, что он неоднократно высказывал его. Так, одна из статей заканчивалась утверждением: «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель

соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель»¹⁶. Более того, любовью к детям можно растить не только то, к чему они предназначены изначально. Этой любовью можно исправить людей, восстановить человечность в них. Л. Н. Толстой настаивал на мысли: «...Лишь любовью к детям и истинным общением с детской душой возможно создать счастливое человечество»¹⁷.

Чему учился гениальный писатель и педагог у своих учеников? Дети помогали Л. Н. Толстому видеть жизнь нешаблонно, каждый раз по-новому, непосредственно, свежо. Они не давали умереть в нем ребенку и открывали возможность сохранить свое вечное детство с присущей ему свежестью впечатлений, радостью постоянных открытий. Школа являлась для Л. Н. Толстого лабораторией исследования человека вообще. Пристально наблюдая детей во всех сферах деятельности, глубоко постигая их психологию, он пришел к важному выводу: дети целостно воспринимают мир и сами являются цельными людьми — у них нет разрыва между чувством и поступком. Глазами такого ребенка он измерял сущность и ценность окружающего мира, его добро и зло, правду и ложь, красоту и безобразие. Устами юных Николеньки Иртеньева, Пети и Наташи Ростовых он выносил приговор или похвалу явлениям, событиям, людям. Без школы, наверное, не было бы этих героев, не было бы Сережи Каренина, не было бы пронизательнейших характеристик, которые Л. Н. Толстой дал своим детям. У детей Л. Н. Толстой перенимал умение сосредоточивать внимание на сути предмета, а также непосредственность и искренность в выражении своих наблюдений, мыслей и чувств, а также и такие неприменные признаки художественного отношения к миру, как точность видения, образность восприятия. У них он учился мыслиемкости языка (т. е. краткости слова, заключающего в себе глубокие и обильные мысли) и вещественности (т. е. зримости слова, его изобразительности,

наглядности, осязаемости, предметности, ясности и простоте), умению «художественно запечатлевать образы чувств».

Не отрицая науку как источник знаний, Л. Н. Толстой исключительное значение придавал действительности, жизни, не отраженной в науке и искусстве. Именно жизненные знания, окружающий мир (природа, общество) — ценнейший источник познания. Но таковыми эти знания становятся тогда, когда глубоко восприняты, осознаны и выражены в слове. Способность выражения в слове дается не легко и взрослому, и ребенку. В одиночку результат не велик. Совместный, почти семейный поиск (в широком смысле этого слова) — вот где гнездится успех.

Вначале поиск в опыте Л. Н. Толстого не удавался. Но писатель-педагог постепенно «заражал» детей своей «горячностью», раскрывал перед юными «красоту выражения жизни в слове» и увлекательность этого искусства, создавал атмосферу соревнования. И вот неожиданный, волнующий результат: «...Вдруг, совершенно неожиданно, открылся мне тот философский камень, которого я тщательно искал два года, — искусство учить выражению мыслей... Мне казалось столь странным, что крестьянский, полуграмотный мальчик вдруг проявляет такую сознательную силу художника, какой, на всей моей необъятной высоте развития, не может достичь Гете. Мне казалось столь странным и оскорбительным, что я, автор “Детства”, заслуживший некоторый успех и признание художественного таланта от русской образованной публики, что я, в деле художества, не только не могу указать или помочь одиннадцатилетнему Семке и Федьке, а что едва-едва, — и то только в счастливую минуту раздражения, — в состоянии следить за ними и понимать их... Как только я дал ему полную свободу, перестал учить его, он написал такое поэтическое произведение, которому подобного не было в русской литературе. И потому, по моему убеждению, нам нельзя учить писать и сочинять... Все, что

мы можем сделать, это научить их, как браться за сочинительство»¹⁸.

Л. Н. Толстой рассказывает: «Федька из-за своей тетради все поглядывал на меня и, встретившись со мной глазами, улыбаясь, подмигивал и говорил: “Пиши, пиши, я те задам”. Его, видимо, занимало, как большой тоже сочиняет. Кончив свое сочинение хуже и скорее обычного, он влез на спинку моего кресла и стал читать из-за плеча. Я не мог уже продолжать; другие подошли к нам, и я прочел им вслух написанное. Им не понравилось, никто не похвалил. Мне было совестно, и, чтобы успокоить свое литературное самолюбие, я стал рассказывать им свой план последующего. По мере того, как я рассказывал, я увлекался, поправлялся, и они стали подсказывать мне: кто говорил, что старик этот будет колдун; кто говорил: нет не надо — он будет просто солдат; нет лучше пускай он их обокрадет; нет, это будет не к пословице и т. п. говорили они.

Все были чрезвычайно заинтересованы. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения их были большею частью одинаковы и верны как в самой постройке повести, так и в самих подробностях и в такой степени не случайны и определены... Я не успевал записывать и только просил их подождать и не забывать сказанного»¹⁹.

Мы видим: Л. Н. Толстой-учитель творит сам, показывает детям свою литературную лабораторию и таким образом зримо обогащает их. С другой стороны, он чутко вслушивается в реплики детей, познавательное и художественно погружается в детское творческое бытие. Он оказывает на них творческое влияние благодаря своим литературным способностям и испытывает на себе их стимулирующее влияние, потому что они как бы пригласили его к проникновению в свой самобытный мир. Перед нами — классический образец сотворчества.

Для гениального писателя дети являлись могучим импульсом творчества: обо-

стряли мировосприятие, будили воображение, шлифовали способность более тонко воспринимать человека и природу. Он многократно наблюдал за купанием детей в пруду. Не отсюда ли сцена купания солдат в «Войне и мире»? Он дал тончайшие характеристики — прогнозы развития своим детям. Не явилось ли это источником всестороннего и глубокого изучения своих школьников и человека вообще?

Дети выражали свои жизненные наблюдения и мысли с наибольшей ясностью — и это была школа для Л. Н. Толстого. Кроме того, они вместе с учителем собирали фольклор, отбирали в нем лучшее, после чего был издан сборник русских народных песен. Это помогло Л. Н. Толстому-писателю сохранить в чистоте русское слово и овладеть новыми приемами языка, которые давали возможность создавать произведения и для детей, и для взрослых, в частности народные рассказы.

Французский славист Поль Буайе разговаривал как-то с бывшим учеником Л. Н. Толстого. Встретившись затем с писателем, сказал ему, что получил огромное удовлетворение от беседы с его учеником. Л. Н. Толстой так отозвался: «Да, эти люди — тоже мастера. Я заботливо отметил все их выражения... Чтобы написать “Власть тьмы”, я широко использовал свои записные книжки»²⁰.

Один современник Л. Н. Толстого свидетельствует: «Я видел рукопись. Л. Н. усердно работает над этим. По несколько раз переправляет слова, отыскивая более подходящее выражение. Дети служат критиками. Л. Н. внимательно следит за своими учениками и по их лицам проверяет, насколько удался ему тот или иной рассказ»²¹. Сам Л. Н. Толстой говорил о детях: «И писать надо учиться у них. Просто. Не мудрствуя. Чем дальше вникаешь в их язык, тем больше видишь недочеты своего, книжного. Я только теперь, например, почувствовал, какое это нехорошее слово “который” — неестественное, и

стараюсь его не использовать. Сначала думалось, как же это без него обойтись, а теперь вижу: кинешь фразу так и этак, и отлично можно заменить его»²².

Корреспондент «Петербургского листка» после поездки в Ясную Поляну сообщал: «Очень часто зовет к себе деревенских детей и читает им написанное. Потом просит их пересказать, и уже с их пересказа все поправляет. Это его старинный метод, по которому написаны лучшие его вещи. Его знаменитая сказка “Бог правду видит”, которую он сам считает самым выдающимся из всех его произведений, написана тоже со слов пересказа его маленьких учеников...»²³.

Все это — реальное соучастие детей в литературных делах гениального писателя и педагога, который выносил на их суд свои произведения. Он читал вслух сочинения, и дети совершенно свободно обсуждали их. И по словам, и по лицам детей писатель проверял, насколько удался тот или иной рассказ. По Л. Н. Толстому, детям свойственно свежее восприятие окружающего. Оно питалось непосредственным жизненным опытом. Поэтому неожиданным был подход детей, например, к произведениям искусства, новизна их интерпретации, чувство правды в их оценке.

Знание детьми действительности превращает их в мудрых и тонких критиков литературы. По их реакциям, их восприятию можно судить, какое произведение истинное, а какое — плохое. Дети для Л. Н. Толстого — эталон критической оценки. Их представления стали для него основой оценки и современной ему литературы и историко-литературных суждений. Гениальный писатель стал иначе осмысливать историю отечественной и мировой литературы. В общении с детьми он вырабатывал критерии народного искусства, которые сформулировал в трактате «Что такое искусство?».

В статье «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят» — дерзкий вывод:

взрослым надо учиться у детей. Нельзя было и подумать, что педагог — искатель сформулирует такой вывод. Да и в педагогическом сообществе никто не решался так думать. Это впервые в истории педагогической мысли и школы.

Вот еще горстка примеров. «Дети приходят заниматься, и я учусь с ними». Или: «Мои учителя пришли». В беседе с корреспондентом «Биржевых ведомостей» в 1907 г.: «Я до сих пор учусь у детей». Чему и как гениальный человек мог учиться у неграмотных, не приобщившихся к высокой культуре деревенских детей? Может, это просто громкая фраза — и ничего больше? Но ведь то, что нам поведали очевидцы педагогической деятельности Л. Н. Толстого, — это безукоризненное доказательство того, что ученики выступали учителями учителя.

Так было всегда: учитель считал себя совершенным, накладывал на детей свое мерило, господствовал над ними, осознавал свое превосходство и подгонял детей под свои представления о должном. Л. Н. Толстой убежден: у учителя нет права считать себя венцом творения. А. Б. Гольденвейзер прямо записал мысль Л. Н. Толстого: «Еще важно, чтобы у учителя не было отношения сверху вниз к ... детям. Если он понимает, что он слаб, — он лучше поймет детей, а если он думает... какие они дрянные, а я вот такой хороший, — это уже последнее дело»²⁴.

Вдумываемся в это! Здесь важнейший урок для каждого из нас: *не смотреть на детей со стороны, сверху вниз или приседая на корточки, а быть вровень с ними, учить их и учиться у них. Это открытие — вселенская заслуга Л. Н. Толстого перед всем обществом, а не только перед педагогическим сообществом. Величайшее открытие Л. Н. Толстого — принцип соразвития учителя и ученика: педагог становится более совершенным под воздействием детей, а дети — под влиянием наставника. Поэт сказал бы так: «Это зеркала, которые льют свет друг на друга».*

Нужно было найти механизм воплощения принципа. Пытаясь обнаружить в детях источник творческой энергии, Л. Н. Толстой жадно ловил невидимые токи, идущие от них. Нажимая разные «кнопки влияния», он выделял те, которые действовали превосходно, то есть вызывали у детей участие, отклик, сочувствие, большую духовно-умственную работу. Стремясь понять внутреннее состояние детей, великий педагог учился внимательно слушать и по-настоящему слышать. Он наблюдал, как дети открывают окружающий мир, что из видимого и узнаваемого им кажется интересным и значительным. Дети говорили, действовали, чувствовали, улыбались и грустили, задумывались, а Л. Н. Толстой стремился понять: что же совершалось в душе каждого ребенка? Его занимало то, как во внешних физических действиях детей проявлялись внутренние движения души, как во время физической неподвижности совершается усиленная работа чувства, памяти, воображения. Л. Н. Толстой был захвачен тем, как в умах детей «распускается цветок понимания»²⁵.

Когда у Л. Н. Толстого, который сам вел уроки, возникла нужда в «переходной литературе» от фольклора к произведениям классиков, он не мог обойтись без помощи детей. И нашел необычный способ создания нужных произведений: рассказывал содержание литературного произведения или читал его вслух, а ученики пересказывали услышанное со своими замечаниями и дополнениями. «Отредактированное» всем классом произведение затем вписывалось в тетради. При создании «Азбуки», «Новой Азбуки» и «Книг для чтения» Л. Н. Толстой применял тот же способ. И в дальнейшем охотно использовал его при переработке произведений, адресованных народу. Поднимать детей до своего уровня и возвышаться до ребенка, являющегося «образцом невинности, безгрешности, добра, правды и красоты», быть вместе с детьми и рядом с ними — в этом педагог Л. Н. Толстой.

Л. Н. Толстому была бесконечно дорога мысль о самовоспитании, самосовершенствовании учителя, детей, любого человека. По его убеждению, учение Христа руководит людьми не внешними правилами, а внутренним сознанием достижения Божественного совершенства; в душе каждого человека находятся не умеренные правила справедливости и филантропии, а идеал полного бесконечного божественного совершенства. Обращаясь к юношеству, Л. Н. Толстой так развивал эту мысль: «...Верьте себе, когда главное желание вашей души будет то, чтобы самому быть лучше; я не скажу: совершенствоваться, потому что в самосовершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбие, а скажу: делаться тем, чем хочет тот Бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас, подобное ему, начало, жить по-Божьи, как говорят мужики... Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе Бога, и вы сделаете все, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира»²⁶.

Л. Н. Толстой в «Беседах с детьми» обсуждал сам механизм преображения по образу и подобию Христа. Он давал детям совет, воплощенный в его личной практике: «Постарайся полюбить того, кого ты не любил, кто обидел тебя. И если это удастся тебе сделать, то тебе сейчас же станет очень хорошо. И на душе бывает особенно хорошо, когда вместо злобы и досады почувствуешь любовь к тому, кого не любил и кто обидел тебя»²⁷.

Писатель-педагог преклонялся перед совершенством формирующегося человека. Что это? Идеализация ребенка? Да! Но это особая идеализация: так идеализирует любящий отец свое дитя, влюбленный юноша возлюбленную. Такая идеализация — педагогическое благо: она позволяет видеть в ребенке лучшее, наслаждаться общением с ним, легко и вдохновенно действовать вместе с ним, помогать ему становиться Человеком и самому учителю становиться Человеком под его воздействием.

В житейском, писательском и педагогическом опыте Л. Н. Толстой добыл ценнейший вывод: каждый человек — алмаз, который может очистить и не очистить себя; в той мере, в которой он очищен, через него светит вечный свет. Стало быть, дело человека не стараться светить, но стараться очищать себя. Это не просто теоретический вывод — Лев Николаевич вел ежедневную работу над «самоочищением», упорнейшим трудом над собою добывал свою духовную, морально-нравственную, эстетическую, интеллектуальную красоту. Это и предъявление к себе высочайших требований, и отслеживание хода намечаемого совершенствования ежедневного содержания жизни, и строжайший самоконтроль, и фиксация в дневнике падений, упущений, срывов, подъемов. Ученики видели, как учитель по совести исполнял роль собственного воспитателя, гнал от себя недостатки, по-человечески рос на их глазах. Учитель тянулся за учениками, ученики — за учителем. Для этого нужна была недюжинная воля. Ученики влюблялись в учителя: любят ведь не образцового, во всем правильного, а того, кто растет на их глазах.

Педагогика сотрудничества художественно запечатлена Ф. Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль». Это замечательно, когда люди учат друг друга. Но ведь можно вместе трудиться и не создавать ничего нового! Можно диалогически общаться наставнику и слушателям. Но наставник — это указующий перст: он ведет за собой тех, кто внемлет ему. Классический пример — гениальные диалоги Платона. Не то у Л. Н. Толстого. Соборное искание истины, ее открытие своим путем — методом сотворчества учителя и ученика — вот где оптимальный педагогический успех.

Сделаем попытку обозначить то новое, чем Л. Н. Толстой обогатил отечественную и мировую педагогику и каким маяком он является для современной русской и зарубежной школы, — на основе приведенных документов. *Первое: принцип со-*

развития наставника и воспитуемого. Второе: метод сотворчества учителя и ученика. Такого ни в теоретическом, ни в практическом опыте до живого опыта Л. Н. Толстого не было. Это безусловный шаг вперед во вселенском педагогическом мышлении.

Воплощение в реальной педагогической практике принципа со-развития учителя и ученика и методов их со-творчества требует особого «духа школы». Читаем Л. Н. Толстого: «Мы убедились, что почти все руководства школ дурны, но вместе с тем, что и по существующим плохим руководствам в большей части школ учение идет успешно. Стараясь разъяснить для себя это кажущееся странным противоречие, мы убедились, что успех учения основан не на руководствах, а на духе организации школ, на том неуловимом влиянии учителя, на тех отступлениях от руководства, на тех ежеминутно изменяемых в классе приемах, которые исчезают без следа, но которые и составляют сущность успешного учения. Уловить эти приемы и найти в них законы — составит задачу нашей школы и ее отголоска — отдела нашего журнала, называемого школой “Ясной Поляны”»²⁸.

У Л. Н. Толстого нет обобщающей аналитической статьи о духе школы, но есть разбросанные в разных источниках наблюдения, впечатления, мысли. Они сводятся к следующему: дух школы — это:

- опора на потребности детей и «привитие» им потребностей, на которые обращали внимание великие мыслители;
- сердечная теплота, отеческие, доверительные отношения, простота общения без фамильярности; школа — как родная семья для ученика;
- ненасилие, свобода, раскрепощение чувств, воображения, мышления, воображения, памяти, духа и души;
- стимулирование генетической одаренности, потенциальных творческих способностей, учет задатков и создание условий для их роста, совершенствование склонностей;

— соревнование в творчестве между учениками и между учениками и учителем;

— терпеливое ожидание «распускания цветка понимания» в умах учеников: не знания как таковые, а понимание сути явления, вещи, предмета — это главное;

— атмосфера в классе и вне его: волнение — подъем; учение — это интерес, поиск, увлечение им, радость открытия, победа;

— благоговейная признательность учителя своим наставникам — ученикам;

— смирение учителя, недопущение гордыни.

Л. Н. Толстой обессмертил себя в этом педагогическом искании, он значительно обогатил отечественную и мировую педагогическую мысль.

Еще одно величайшее педагогическое достижение Л. Н. Толстого: теоретическое обоснование и воплощение в личном опыте идеи радости узнавания. Историю детского учения преимущественно выражают глаголы «заставлять», «принуждать», «приневоливать», «требовать». Есть и второй взгляд на школу, еле различимый. Он сопряжен с глаголами «радоваться», «волноваться», «наслаждаться», «увлекаться», «веселиться».

История детского учения — это чаще всего история принуждения, история детского мучения. И мудрые наставники неизменно убеждались: заставить ученика добывать знания по сути невозможно. Совершенно необходимо, чтобы ученик сам и добровольно хотел открывать мир и получал внутреннее удовлетворение от этого, испытывал приятное волнение. Положительные эмоции в учении дают крылья и восприимчивости, и наблюдательности, и мышлению, и воображению, и памяти, и воле.

И все же до сих пор многие учителя спотыкаются о слово «радость» применительно к учению. А ведь оно по подлинной сути своей не имеет развлекательного смысла: дети охотно идут в школу и хотят открывать мир!

Радость в учении — это не приглашение к праздности, нет, это увлечение самым процессом открытия мира, следствие одухотворенного труда с целью, понятной и внутренне близкой ученику. Это лучшее школьное знамя. Вот почему профессионалы высшего педагогического класса всеми силами стремились избежать насилия в обучении, заботились о положительных чувствах и эмоциях питомцев.

В истории человеческой культуры термин «радость узнавания» впервые появился у Аристотеля. Но это было уже несколько предчувствованное в тысячелетиях. Отсюда — практические попытки внедрения в школьный быт «радости узнавания». Витторино да Фельтре (1378–1446), гуманист эпохи Раннего Возрождения, в Мантуе, куда был приглашен герцогом Джан-Франческо Гонзаго, создает школу интернатного типа, получившую название «Дом радости». Дети наблюдали природу и людей, писали, считали, обсуждали, размышляли, читали, в удобном и спокойном месте наполнялись просвещенностью, погружались в мир науки и искусства, общались с себе подобными и более просвещенными людьми, имели «ленивый» и «досужный» досуг, т. е. время когда не бездельничали, а заполняли его высокими занятиями, принадлежали исключительно себе и занимались тем, что им любо, а не тем, чего от них требовали взрослые или мелочные будничные интересы. Опыт Витторино да Фельтре — плодотворная попытка создания одухотворенного воспитания и образования, обучения и учения. Дети, отходя ко сну, спрашивали взрослых: «А скоро ли настанет утро?». На ответный вопрос: «А зачем вам нужен быстрый приход утра?» — отвечали: «Чтобы поскорее увидеть учителя». Ученик Витторино да Фельтре Сассоло из Прато признавал, что учение доставляло ему и его товарищам огромное удовольствие. По свидетельству одного историка, это был дом игр и умственных наслаждений. Выработывая характер учеников, создавая условия, необходимые для овладе-

ния духовной культурой, изоцряя детские умы, укрепляя физические силы и воспитывая изящные манеры держать себя, Витторино да Фельтре формулировал всегда общую притягательную цель и конкретные манящие задачи, максимально ясно вел к ним питомцев, сложные проблемы ставил удобопонятно.

Русская школа — Дом духовной и душевной радости. Это величайшая идея. До сих пор учение является для абсолютного большинства детей жерновом на шее. Но ведь когда-то эта идея должна реализоваться! Не в наши ли дни подходящий срок!? Тем более что есть уникальный, живой опыт Льва Николаевича Толстого.

Примечания

1. Толстой Л. Н. Детство // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений (ПСС): В 90 т. Т. 64. С. 34.
2. Скриба (Соловьев Е. А.). В Ясной Поляне // Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986. С. 194.
3. Толстой Л. Н. Письмо К. Ю. Эйнарвич // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 68. С. 120, 121.
4. Толстой Л. Н. Письмо Н. Баранову // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 77. С. 157.
5. Толстой Л. Н. Неделанье // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 90. С. 42.
6. Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. Не могу молчать. М., 1985. С. 97–326.
7. Толстой Л. Н. Письмо П.И. Бирюкову // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 70. С. 103.
8. Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой (1857–1903 гг.). СПб., 1911. С. 258.
9. Толстой Л. Н. Письмо А. А. Толстой // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 61. С. 23–24.
10. Толстой Л. Н. Письмо неизвестному о немецких школах // Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1989. С. 51.
11. Толстой Л. Н. О народном образовании // Толстой Л. Н. Пед. соч. С. 78, 79.
12. Толстой Л. Н. Проект общего плана устройства народных училищ // Толстой Л. Н. Пед. соч. С. 124.
13. Толстой Л. Н. Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских детей // Толстой Л. Н. Пед. соч. С. 317.
14. Толстой Л. Н. Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы // Толстой Л. Н. Пед. соч. С. 210.
15. Толстой Л. Н. Письмо З. Г. Гагиной // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 80. С. 229.
16. Толстой Л. Н. Общие замечания для учителя // Толстой Л. Н. Пед. соч. С. 342.
17. Л. Н. Толстой и дети // Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986.
18. Толстой Л. Н. Кому у кого учиться писать... // Толстой Л. Н. Пед. соч. С. 320–322.
19. Там же. С. 317–318.
20. Буайе П. Три дня в Ясной Поляне // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 155.
21. Курбский В. (Петров Г. С.). У Л. Н. Толстого // Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986. С. 293–294.
22. Измайлов А. У Льва Толстого // Интервью и беседы с Л. Толстым. С. 258.
23. Курбский В. (Петров Г. С.). У Л. Н. Толстого. С. 288.
24. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 336.
25. Толстой Л. Н. Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы // Толстой Л. Н. Пед. соч. С. 201.
26. Толстой Л. Н. Верьте себе // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 37. С. 63–66.
27. Толстой Л. Н. Беседы с детьми по нравственным вопросам // Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1989. С. 472.
28. Толстой Л. Н. Объявление об издании «Ясной Поляны» // Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1953. С. 61.